

дние создатели «Снежной королевы» Г.-Х. Андерсена — в Дании, вряд ли могли возникнуть сказки о слонах и обезьянах, о мудрых крокодилах и черепаках.

Сказка о Снегурочке вошла в собрание А. Н. Афанасьева (№ 34), известна в обработке В. И. Даля. По мотивам этого народного сказочного сюжета создана пьеса «Снегурочка» А. Н. Островского (1873), музыка П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова. Публикуемый фольклорный вариант записан в 1983 году Н. Ф. Онегиной и А. Т. Паконен от М. С. Мелвельной (см. «Песни да курочки», «Старик да старушка жини на горлушке»).

## МОРОЗКА

Жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерница), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водичу в избу носила, печку топила, обряды (*женские ильты*) творила, избу мела и все убирала еще до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

— Экая ленивица, экая неряха! И голик-то (*веник*) не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе.

Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить (*приморозиться, прититься по нраву*) и дочерям ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Самы они поздно вставали, приговленной водичей умывались, чистым поутем утирались и за работу садились, когда пообедали. Все наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старик жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная да работящая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочка ее ленивица и упрямилы.

Вот наши старики стали думу думать: старик — как бы дочерей пристроить, а старуха — как бы старшую с рук сбять. Однажды старуха и говорит старику:

— Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

— Ладно, — сказал старик и побрел себе на печь; а старуха вслед ему:

— Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги коньки в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку (*чистую рубашку*): завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут ее в гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, все собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка — хоть куда невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря запрят кобылку в дровни, подвел ко крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник (*печной прилавок у дверей*) и сказал:

— Ну, я все изладил!

— Садитесь за стол да жрите! — сказала старуха. Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлеба ница была на столе, он вынул челпан (*непочтливый караван*) и нарушал (*нарезал*) хлеба и себе и дочерям. А старуха меж тем подавала в блюде старых щей и сказала:

— Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да смотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, — знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлестать, а девка завyla.

— Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богат! Смотри-ка, сколько у него добра: все елки, манды (*верхушки сосен*) и березы в пуху; жительство завидное, да и сам он богатый!

Старик молча уклад пожитки, велел дочери накинуть шубняк (*баранья шуба*) и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал — не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал:

— Сиди и жди жениха, да смотри — принимай ласковее.